

УДК 94(3)

ББК 63.3(0)323

Представление о легитимности императорской власти в Римской империи

Н.А. Гудков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия)

Representation of the Legitimacy of Imperial Power in the Roman Empire

N.A. Gudkov

Belgorod National Research University (Belgorod, Russia)

Данная статья посвящена анализу представлений о легитимности императорской власти в Римской империи. Особое внимание уделяется пониманию легитимности в имперский период римской истории, в частности, Поздней Античности. Делается вывод о «широком» и несколько «размытом» представлении о легитимности императорской власти в Римской империи, несоответствии античного понимания легитимности современному. Представлены элементы и составные части легитимности, ее основные источники, институты и способы придания легитимности новому, взошедшему на престол императору. Показано, как образ законного императора был вписан в образ империи. Особое внимание уделено армии как одному из наиболее значимых политических институтов при избрании и утверждении нового императора. Также рассматриваются методы признания императорской власти посредством обращения к «божественному» началу: языческим богам, впоследствии к христианству. Анализируются причины процесса утраты легитимности правителями Западной Римской империи в V в. н.э. Показан характерный для римского политического сознания перенос легитимности с политических институтов и империи на отдельно взятого императора.

Ключевые слова: империя, император, власть, легитимность, культ императора, Поздняя Античность.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)5-07

«Легитимность» правителя, политического режима является неотъемлемой частью любой политической системы. Поскольку институт власти сложился еще в первобытном обществе и существует по сей день, а вопрос легитимности приобретает все большее значение, невозможно игнорировать исторический опыт обоснования изучаемого феномена,

This article is devoted to the analysis of ideas about the legitimacy of imperial power in the Roman Empire. Particular attention is paid to the understanding of legitimacy in the imperial period of Roman history and, in particular, Late Antiquity. The conclusion is made about the "broad" and somewhat "blurred" idea of the legitimacy of the imperial power in the Roman Empire, about the discrepancy between the modern term "legitimacy" and the ancient understanding. The elements and components of legitimacy, its main sources, institutions and ways of giving legitimacy to the new emperor who ascended the throne are presented. It is shown how the image of the legitimate emperor was inscribed in the image of the empire. Of the institutions, special attention is paid to the army as one of the most significant institutions in the election and approval of the new emperor. Methods for recognizing imperial power by referring to the "divine" principle: pagan gods, and, subsequently, to Christianity, are also considered. The reasons for the process of loss of legitimacy by the rulers of the Western Roman Empire in the 5th century AD are analyzed. The transfer of legitimacy from political institutions and the empire to a single emperor, characteristic of the Roman political consciousness, is shown.

Keywords: empire, emperor, power, legitimacy, emperor cult, Late Antiquity.

что, безусловно, определяет актуальность предложенного исследования.

В зарубежной [1–4] и отечественной историографии [5–8] существует достаточное количество работ, которые прямо или косвенно затрагивают проблему понимания легитимности в античном мире. Например, очень существенным для нашего исследова-

дования является работа Э. Флайга [4], в которой анализируется природа имперской власти и делается вывод об ее опоре на три социальных института — сенат, армию и народ. Исследователь определяет их как ведущие секторы политической системы. В дальнейшем данный тезис был развит в работе Поля Вейна [9], который указал на необходимость добавить к указанным социальным группам еще и провинциальную аристократию.

В рамках отечественной историографии нельзя обойти стороной работы Е.П. Глушанина и П.В. Рубцова [5, 6], в которых отмечена слабость институционального осмысления императорской власти в римском политическом сознании и, как следствие, расплывчатое понимание легитимности имперской власти.

Однако, несмотря на определенную степень проработанности темы, основной недостаток существующих работ, за исключением некоторых трудов [1, 5, 9], состоит в том, что анализ «легитимности» проходит косвенно и не является главным предметом исследования.

В настоящей статье мы попытались комплексно рассмотреть представления о легитимности императорской власти в Римской империи с учетом современных работ по данной проблеме, в чем и заключается новизна исследования. Большое внимание уделяется проблеме античного понимания легитимности власти и ее восприятия в политическом сознании населения. Системно проанализированы источники и методы легитимации власти, рассмотрены различные вариации процедур легитимации императора через такие социальные институты, как народ, сенат, армия, а также причины утраты легитимности римскими императорами V в.

В современном понимании легитимность (лат. *legitimus* — законный) — это прежде всего убеждение населения в том, что политический порядок справедлив и законен, а власть опирается на признание большинством. В Античности понимание легитимности не было столь дефинировано и не имело полного современного соответствия [5, с. 37], но, несомненно, существовало в политической практике Римской империи [10].

Как отмечает историк М. Финли, «великие теоретики античности не чувствовали никакой необходимости биться над проблемой легитимности» [1, р. 12]. Часть исследователей вообще утверждали, что идеи «легитимности» в римской политической практике не было [11, р. 225]. Однако в римском политическом сознании идея легитимности правителя занимала важное место. Например, Аммиан Марцеллин прямо указывает на то, что, с одной стороны, в Римской империи есть «*legitimus princeps*», «*legitimi principis propugnatoris bonorum et defensoris*» — «защитник и охранитель честных людей» (Amm. Marc. XIX. 12.17). С другой сторо-

ны, есть незаконные правители — узурпаторы, «*tyrannus*» (Amm. Marc. XXVI. 9.10; XXVII.5.1).

Зачастую в античных источниках мы сталкиваемся с проблемой легитимности при описании процедуры возведения нового императора на трон и оформления его власти (Amm. Marc. XXV. 5.3; Валент — XXVI. 4.3; Валентиниан II — XXX.10.5). Особенно интересным является фрагмент о провозглашении августом Валентиниана «*imperator legitime declaratus*» по «*more sollemni*» — возведенному обычаю, что, как указывает историк П.В. Рубцов, говорит об «укорененности необходимости легитимационной процедуры в сознании позднеримского общества [6, с. 36].

Одним из наиболее древних проявлений легитимации власти императора в Римской империи является идея об императоре как о «спасителе» римского мира — «*Pax Romana*», вытекающая из самих враждебных условий формирования Римской империи [12, с. 105]. Следовательно, мы можем говорить об идее легитимности Империи как системы миропонимания римского гражданина. Воплощением идеи «*Aeternitas Romae*» в римском политическом сознании был Римский император, который как *lex animata in terris* («живой закон на земле») должен был поддерживать мир и порядок. После смерти императора Октавиана Августа сенат объявил его богом (как и отца Октавиана — Цезаря) и установил культ поклонения [13, с. 136]. Уже император Траян сделал участие в императорском культе обязательным.

Постепенно в связи с популярностью «культа императора» происходит перенос легитимности с политических институтов (магистратур, сената и империи в целом как политического механизма) на отдельно взятого императора. Так, Клавдиан утверждал, что ничто, ни стража, ни оружие, не охраняют так, как любовь (народа) (Claud. IV cons. Non. 281). Аммиан Марцеллин пишет о том, что «благо законного принцепса должно защищать совместными усилиями всех» (Amm. Marc. XIX.12.17).

Тесно связана с «любовью подданных» идея об определенном наборе добродетелей (*virtutes*), которыми должен обладать император (Lib. Or. XVIII. 307). Можно говорить о том, что в Римской империи сложился целый набор стереотипов как при изображении хорошего легитимного императора, так и в отношении узурпаторов (Claud. Bell. Gild.162; Pan. Lat. II(XII).25). Так, Феодосий, общаясь со своим сыном Гонорием, говорит о персидской и римской моделях передачи власти. В первой достаточно родиться царем, тогда как у римлян нужно обладать еще и целым рядом добродетелей, присущих императору (Claud. IV cons. Non. 214-222). Среди таких добродетелей были благородное происхождение и воспитание (Lib. Or. LIX.10), а также отсутствие надменности и высокомерия (Aur. Vict. De Caes. 39.5-8).

Одним из источников легитимности императора считалась легитимность самой императорской династии, подчеркнутая через связь с императорами предыдущей правящей династии. Стоит отметить, что преемственность истории — характерная черта политического сознания римлян [14]. Так, Северы считали себя потомками династии Антонинов (CIL. VIII. 9317). В поздней империи правители брали имя Флавиев, что отсылало к их родству с императором Константином. Императоры прошлого почетно именовались «patres», что подчеркивало связь между поколениями власти [15, S. 218].

Немаловажным методом легитимации власти императора было внедрение в сознание населения постоянной связи между императором и повседневной жизнью. Это делалось, в частности, с помощью изображений императора на монетах и статуях. Также на монетах демонстрировалась связь императора с преемником на трон [16, с. 85].

В период домината все большее влияние получает идея «обожествления императоров». Диоклетиан, первый император новой эпохи римской истории, становится доминусом, господином для своих подданных, которому поклоняются практически как богу [17, р. 146]. Слово «священный» (*sacer*) стало почти эквивалентом слова «императорский» [16, с. 67]. В III в. императоры по персидскому образцу начинают носить «лучистую» корону, а на триумфальные шествия надевать расшитые золотом одежды и драгоценности (Aug. Vic. Caes. 39.1-8; Amm. 16.10; Pan. Lat 2(3)).

В период тетрархии главенствующей становится идея «согласия императоров» [2, р. 30], а также некоего «обезличения» императорской коллегии и их визуальной репрезентации [3, с. 180–181]. В основе первой пары соправителей тетрархии, Диоклетина и Максимиана, лежало согласие участников — «*concordia*». Более того, общее правление строилось на дружбе, основанной на совместной службе в армии (Aug. Vic. De caes. 39.17). Монеты того времени чеканились с надписями «*Perpetua Concordia Augg*» «непоколебимое согласие августов». На ауре показаны, как Диоклетиана коронует Юпитер, а Максимиана — Геркулес [16, с. 142]. Идея происхождения Диоклетiana от Юпитера, а Максимиана — от Геркулеса, должна была объяснить массовому сознанию населения империи, почему люди невысокого положения достойны находиться на посту правителей Римской империи. Второй причиной являлось то, что после богатого на военные мятежи III в. могущественная связь императора с богами должна была снизить значимость фактора «*Concordia Militum*» — согласия воинов как источника легитимности императорской власти [10, с. 66].

Однако довольно скоро выяснилась несостоятельность модели передачи власти без учета кров-

нородственного фактора. 25 июля 306 г. армия под командованием Констанция Хлора вновь возвращает на главную роль принцип наследования власти по кровнородственному признаку и провозглашает сына Констанция, Константина, августом (Lact. De mort. 24. 8; Euseb. HE. VIII. 13.12). Стоит отметить, что изначально Константин пытался легитимировать свое положение, вписываясь в систему тетрархии: после женитьбы на дочери Максимиана Фаусте внедряется идея «вечных Геркулиев» (Pan. Lat. VII. 2. 5). После разрыва с принципами тетрархии пропагандисты Константина выстроили собственную легенду его дома, ведущего родство от императора III в. Клавдия Готского (Pan. Lat. VI. 2. 4).

Можно сказать, что принцип передачи власти, согласно которому императором назначается родственник полководца-императора, соответствовал ожиданиям населения и войска [18, S. 113]. По мнению О. Зеэка и И. Штрауба, армия в период домината является важным легитимационным институтом, который способствует передачи власти новому императору через аккламацию войском [19, S. 16]. Зачастую элемент «военной легитимности» и «кровнородственный наследственный элемент» в деле избрания нового императора шли рука об руку. Так, в панегирике Максимиану 289 г. указывается на то, что Максенций, его сын, может управлять империей как его наследник (Pan. Lat. X. 14.1). Для назначения нового императора было достаточно его поддержки и одобрения частью войска. Так, например, был выбран император Иовиан (Zos. III. 30), а позже Валентиниан I (Amm. XXVI. 1.3) и Валентиниан II (Amm. XXX. 10.1). Легитимация нового претендента на престол происходила на воинских сходках — «*contio*» [20, р. 71]. По мнению Э. Флайга, армия являлась хранильницей легитимности власти императора, которая в период ранней империи базировалась на трех столпах — *plebs urbana, senatus, milites* [4, s.117]. Уже в IV в. в панегирике Симмаха в честь Валентиниана I армия и ее командиры уподобляются комициям и сенату, а самого императора как «мужа, известного военными заслугами, одобрил лагерный сенат» (Symmach. Or. I.9).

Стоит отметить, что период домината был веком довольно устойчивых династий: династии Константина (Флавиев) и династии Валентиниана – Феодосия. В рамках единого института императорской власти могли происходить столкновения и конфликты претендентов на трон, но посторонние кандидатуры не допускались, что не влияло на легитимность самого института императорской власти. Так, Феодосий I не потерпел намерения узурпатора Евгения вклинуться в правление империей, уже разделенной между сыновьями Феодосия, Гонорием и Аркадием, также сопротивлялся и Гонорий узурпации Константина III. Однако, по-видимому,

в IV–V вв. у потенциальных узурпаторов были неплохие шансы легитимировать свое положение, о чем свидетельствуют многочисленные сохранившиеся посвятельные надписи в районах, подконтрольных узурпаторам (CIL. VIII. 22552; CIL. VIII. 27, 23968; CIL. X. 1693) [21, p. 494].

Определенные изменения легитимности императорской власти в V в. были вызваны тремя процессами: 1) ее разделением между императорами Восточной и Западной Римских империй; 2) варваризацией римской армии и возросшим влиянием германских военачальников; 3) низкими качествами кандидатов на императорский трон. Некомпетентность императоров в военной сфере способствовала возрастанию мощи и влияния магистров армий — Арбогаста, Стилихона, Констанция, Аэция, Рицимера, Аспара и др. Появление вторых, параллельных императору фигур, чеканивших свою монету и стремящихся породниться с императорской фамилией, ознаменовало кризис императорской власти [22, с. 6].

Историк Э. Флайг считает, что процесс варваризации в обеих частях Римской империи к концу IV в. изменил характер политической системы [18, S. 21]. Начинается период марионеточных императоров, которых «водили на помочах» влиятельные военачальники [23, с. 701]. В качестве примеров можно привести провозглашение императором войсками франка Арбогаста Евгения (392 г.), избрание императором Иоанна (423 г.). Правление возведенного с помощью войск восточноримского императора Валентиниана III (425–455 гг.) отмечено дальнейшим падением престижа и статуса императорской власти и, как следствие, ее легитимности.

В последние десятилетия Западной Римской империи существовало фактически два источника легитимности императорской власти: 1) патриций, *magister militum* на Западе — фактический правитель империи, назначавший «формальных императоров»; 2) восточноримский двор и император.

Отношения между западным и восточным дворами были очень сложными. 28 декабря 457 г. сенат и армия провозгласили Майориана императором Западной Римской империи без одобрения императора Востока Льва. Но, например, в 467 г. Рицимер принял на трон императора кандидата от восточного двора Антемия. Племянник Рицимера в 474 г.

Гундобад утвердил также ставленника Востока — Юлия Непота. Несмотря на попытки восточных императоров стабилизировать положение путем установления власти на Западе империи через своих кандидатов, процесс делегитимизации императорской власти уже был необратим. Последние римские императоры не смогли удержать власть, и варварский военачальник Одоакр сверг последнего римского императора — Ромула Августула.

Таким образом, в имперский период римской истории понимание легитимности не было четко дефинировано и не соответствовало современной интерпретации данной категории. Однако само противопоставление легитимного правления, основанного на добровольном подчинении, и нелегитимного, применяющего насилие, показывает, что проблема «законности» императорской власти была далеко не чужда Поздней Античности. Императорская власть была легитимна в силу самой традиции. Идея легитимности конкретного императора была вписана в целый набор идеологием, унифицировавших представление о власти императора в целом: Римский император как *lex animata in terries*, воплощение идеи «*Aeternitas Romae*»; римский император как человек, наделенный *virtus* и целым рядом добродетелей, отличающих его как правителя; император как потомок богов (Юпитера, Геркулеса), *sacer* — в период домината; император как «наместник бога на Земле» в христианской Римской империи. Наконец, идея императора как правителя, одобренного войском, народом и сенатом (с разным удельным весом того или иного института в зависимости от периода).

Следовательно, легитимность империи предопределяла легитимность отдельных императоров, представленных как «восстановители», «освободители», «защитники», идея «почитания» которых нашла наиболее полное выражение в «культе императора». В итоге можно сказать, что для римского политического сознания характерен перенос легитимности с политических институтов и империи на отдельно взятого императора. В последние десятилетия существования Западной Римской империи был ярко выражен процесс утраты легитимности римским императором из-за слабости и разделения центральной власти и варваризации римской армии.

Библиографический список

1. Finley M. I. Authority and Legitimacy in the Classical City-State. Kobenhvn, 1982.
2. Kolb F. Herrscherideologie in der Spätantike. Berlin, 2001.
3. Smith R. R. R. The Public Image of Licinius I: Portrait Sculpture and Imperial Ideology in Early Fourth Century // Journal of Roman Studies. 87. 1997.
4. Flaig E. Den Kaiser herausfordern: die Usurpation in Römischen Reich. Frankfurt, 1992.

5. Глушанин Е.П., Корнева И.В. Представления о легитимности императорской власти в эпоху тетрархий // Исследования по всеобщей истории и международным отношениям. Барнаул, 1997.
6. Рубцов П.В. Представления о легитимности императорской власти в IV в. // Война и мир в истории Европы. Барнаул, 2007.
7. Мирюлюбов И.А. Династическая политика императора Константина Великого. СПб., 2021.
8. Глушанин Е.П. Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV в. // Античная древность и средние века. №29. Екатеринбург, 1998.
9. Veyne P. L'empereur, ses concitoyens et ses sujets», dans *Idéologies et valeurs civiques dans le monde romain. Hommage à Claude Lepelley*, éd. par H. Inglebert. Paris, 2002.
10. Уильямс С. Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб., 2014.
11. Pabst A. Das Imperium Romanum im 4. Jh. im Spiegel der Oraciones des Q. Aurelius Symmachus // *Quintus Aurelius Symmachus. Reden / Hrgb., übers. und erläutert von A. Pabst*. Darmstadt, 1989.
12. Пиков Г.Г. Исторические термины и историческая действительность // *Гуманитарное образование в Сибири*. Новосибирск, 2000.
13. Эрман Б. Триумф христианства. Как запрещенная религия перевернула мир. М., 2019.
14. Чернышов Ю.Г. К вопросу о содержании «государственной идеологии» в Римской империи // *Античное общество — IV: Власть и общество в античности : материалы Международной конференции антиковедов*. СПбГУ. СПб., 2001. URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/chernysh.htm>.
15. Demandt A. *Die Spätantike Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian, 284–565 n. Chr.* München, 1989.
16. Мэттингли Г. Монеты Рима. М., 2006.
17. Bowman A. *Diocletian and the First Tetrarchy, A.D. 284–305* // *Cambridge Ancient History*. 2 ed. Vol. XII. Cambridge, 2005.
18. Mommsen Th. *S Römische Staatsrecht*. Bd. II. Leipzig, 1871.
19. Seek O. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*. Stuttgart, 1921. Bd. I.
20. Campbell J. *The Emperor and the Roman Army 31 BC-AD 235*. Oxford, 1984.
21. Szidat J. *Die Usurpation des Eugenius* // *Historia*. 28. 4. 1979.
22. Бухарин П.А. Аэций. Последний великий полководец древнего Рима. СПб., 2018.
23. Хизер П. Падение Римской империи. М., 2019.